

I

Мы обычно звали ее тетушкой. Конечно, в глубине души я осознавал, что это на самом деле никакая не наша тетка, потому что я точно знал, что у моего деда не было дочерей, а были одни мальчики, которые, повзрослев, все эмигрировали в Чили, кроме моего отца.

Мой отец считал, что эмиграция равносильна смерти, и когда он получал письма от братьев, то смотрел на них, как на послание с того света. Он с трепетом вскрывал их, со страхом вчитывался в строчки, и его лицо при этом принимало цвет миртового кустарника. А когда он зачитывал их моей бабушке, то его голос дрожал, но он старался говорить басом, чего я ранее не замечал в его речи.

II

Пришла тетя и прошла в комнату моей матери. Дверь нашего дома, как и все двери в деревне, всегда была распахнута настежь, за исключением тех дней, когда шел дождь.

Я отправился в угол, занимаемый бабушкой в последние пять лет ее жизни, и радостно закричал:

- Бабушка! Бабушка! Пришла Ум Махмуд!
- Какая Ум Махмуд, мальчик?
- Да наша соседка, мать Махмуда.

Бабушка засовывала руку подмышку, как будто хотела достать оттуда кусочек сахара, улыбаясь при этом, и показывала мне, чтобы я подошел поближе. Я подходил к ней, но не из-за сахара, которым она меня манила, а под воздействием ауры добра, исходившей от нее. При этом я думал, что она хотела поцеловать меня в щеку. Однако она хватала меня за ухо и трепала его так, что у меня на глазах выступали слезы, приговаривая при этом: «Это твоя родная тетка мальчик, а не соседка!» Мое ухо оставалось в ее руке до тех пор, пока не подходила тетка и не забирала меня от нее.

III

Хотя Ум Махмуд не была нашей теткой, она во многом походила на женщин нашей семьи — была высокой и стройной, но более смуглой.

Когда дядя Рашван прислал свадебную фотографию своей дочери Роз, то по одежде и прическе та была как бы улучшенной американской копией Ум Махмуд. И моя мать, передав эту фотографию тете, воскликнула: «Ей-богу, клянусь моими детьми, как она похожа на тебя!» И когда, наконец, фотография попала ко мне, как самому младшему члену семьи, я, не поверив словам матери, стал внимательно рассматривать черты лица родственницы, а затем глянул на обожженное солнцем лицо Ум Махмуд и вдруг увидел, что она плачет!

IV

И все-таки мать Махмуда — не моя родная тетка, хотя наказание моей бабушки, когда она трепала меня за ухо (как мне казалось, из-за этого у меня всю жизнь одно ухо будет длиннее другого), заставило меня называть ее моей теткой. И никому не приходило в голову, что я не любил навязанную мне тетю. Свидетельством этому является то, что, когда я заболел и отказывался пить горькие со страшными названиями лекарства, настоянные на полевых травах, мои родные звали Ум Махмуд, и я с удовольствием с ее подачи выпивал эти ненавистные лекарства.

Однако во всем этом крылась какая-то тайна, ждущая своей разгадки. Вы можете высказать любые догадки, близкие к реальности, например, что Ум Махмуд является моей молочной теткой! Однако такая мысль никогда не приходила мне в голову, так как я не знал, что могут быть молочные братья.

V

Моя мать иногда посылала меня домой к женщине по имени Ум Аль Вафа. Ее дом стоял на отшибе

села. Я звал ее тетей, хотя между нами не было близкого родства и наши дома стояли далеко друг от друга. Меня посылали к ней за термометром. Я боялся эту женщину, и одновременно что-то в ней притягивало меня... Однажды, когда мама начала кричать от боли в животе, меня послали позвать Ум Аль Вафа, и я понесся изо всех сил, с тем чтобы побыстрее позвать эту женщину. Но вместо того, чтобы поспешить к моей страдающей матери, она продолжала ласкать длинными смуглыми пальцами кота по кличке Анбар, спокойно и снисходительно относившегося к ее ласкам и солнечным бликам, которые попадали в дом в разрывы между облаками. Мне казалось, что Ум Аль Вафа не в состоянии выбраться из дома раньше захода солнца, чтобы не огорчить своего избалованного кота. Иначе что еще могло задержать ее, несмотря на крики моей матери, которые, как мне казалось, доносились даже до ее дома.

Казалось, что и отец оставался равнодушным к страданиям мамы, поскольку он просто взял лопату и, уходя, сказал бабушке, что сегодня наша очередь поливать огород из общественного канала.

Ум Аль Вафа выгнала меня из комнаты, в которой находилась мама. Я вышел поиграть в прятки с детьми тетки Ум Махмуд. Обычно мы играли в эту игру в сумерках.

Когда я вернулся домой, мать носила в руках нечто похожее на кота Ум Аль Вафа, однако без волос. Это существо, которое было завернуто в белые тряпки, кричало. Мне сказали, что Ум Аль Вафа сотворила его, чтобы оно кричало от боли вместо мамы и что Ум Аль Вафа и меня сотворила тем же способом несколько лет тому назад.

Я и боялся ее, и одновременно тянулся к ней, так как думал, что если она может сотворить детей, то она же умеет их превратить в лягушек. Но, наверное, она любит меня, так как часто гладит по головке и до сих пор этого не сделала.

VI

В этот раз я был отправлен в дом Ум Аль Вафа за термометром. У моего брата, которого сотворила Ум Аль Вафа и который стал ребенком, способным выговаривать буквы «к» и «г», говорить «аку» и «агу», а также улыбаться мне, внезапно поднялась температура.

Когда я вошел в дом, Ум Аль Вафа, бросая какие-то,

по-видимому, вкусные куски своему коту, который ловил их на лету, спросила меня:

— Ну, как твоя тетка?

— Какая тетка?

— Гм, гм! А сколько у тебя теток мальчик?

— Ни одной.

— Мальчик, а разве Ум Махмуд не твоя тетя?

— Не моя. У деда были только мальчики.

— Запомни, мальчик, Ум Махмуд — твоя тетя. Твой отец и она — дети козы.

VII

Меня покорило слово «коза». Я шел домой и нес картонный футляр с термометром. Иногда я спешил, иногда замедлял ход. Я часто останавливался у глинобитных стен, побеленных известью, как будто хотел найти на них ответ на мои вопросы.

А что бы было, если бы на стене были написаны определенные слова, а я не мог бы их прочитать?

Каждый раз учитель, потрясая указкой, говорил:

— Читай.

Я читаю, а он недовольно спрашивает:

— А кто тебя учит читать дома?

— Бабушка.

Он стучит по обуви и, усмехаясь, говорит:

— Твоя бабка Ум Халиль?

— Да, она моя бабушка.

— Да твоя бабушка не отличит буквы «алиф» от указки.

Однако моя бабушка прекрасно знала разницу между алифом и указкой и часто говорила о моем деде, который достиг 60 лет, что его спина такая же прямая, как буква «алиф». И это факт. Он был худым и высоким, но с течением времени его спина оставалась прямой. Поэтому, когда его укладывали в гроб, то пришлось подогнуть колени. При этом крышка гроба оставалась приоткрытой, и ее пришлось скрепить веревкой, чтобы она не упала.

Когда я бежал по школьному двору, чтобы не быть пойманным, я столкнулся лицом к лицу с учителем Абду. Я бы продолжал бежать, если бы его бамбуковая указка не коснулась моего плеча. Это означало, что я стал пленником его указки.

— Скажи-ка, как это твоя бабка учит чтению, если она не знает букв, кроме буквы «алиф»?

— Я читаю, а она в это время кивает головой. Ког-

да же я ошибаюсь, то ее подбородок замирает у груди и остается в таком положении, пока я не исправлю ошибку.

Иногда учитель начинал бить себя по ладони указкой. Вероятно, его задевало то, что моя бабушка учила меня чтению лучше, чем он.

Итак, термометр у меня в кармане, а мне трудно пройти мимо водопроводной колонки и не почувствовать жажды. Я напился ледяной воды и подставил голову под струю, из-под колонки. Естественно, я промок. Я вынул термометр из картонного футляра и подумал о том, что если он измеряет плюсовую температуру, то почему бы им не измерить и минусовую. После этого я сунул термометр под струю воды. Мои руки моментально заоченели; между тем столбик термометра остался неподвижным.

Вернувшись домой, я отдал термометр маме, передал ей привет от Ум Аль Вафа и попросил, чтобы она вернула термометр как можно скорее. Затем я прошел к бабушке, как спокойный и воспитанный мальчик. Я потянулся к руке бабушки, чтобы поцеловать ее, но она отказала мне в этом, объяснив, что целующий руки всегда обманывает. Я понурил голову, загрустил, будто бы выражая уважение к одиночеству, в котором все эти дни пребывала бабушка. Но она осталась равнодушной и внушительно спросила меня:

— Что ты украл, мальчик?

— Я ничего не украл.

— Дай-ка мне понюхать твою руку.

Я подал ей свою руку, и она сделала вид, будто нюхает ее; затем, якобы исходя из этого, она делала заключение о том, что я не виноват и ничего не крал. После некоторой задумчивой паузы, которая возникла между нами, я, подражая ее голосу, которым она обвинила меня в краже, спросил:

— Бабушка, а что это за история с детьми козы?

— Кто тебе сказал об этом, мальчик?

— Ум Аль Вафа. Она говорила, что твои дети и дети Ум Махмуд... извини меня, дети тети Ум Махмуд — братья, потому что они — дети козы.

Бабушка внутренне напряглась, но попыталась скрыть это улыбкой. Затем повторила, как бы разговаривая сама с собой:

— Дети козы... Дети козы... Да мы все дети Адама, дети козы... Авель принес в жертву Богу козу, и Бог принял ее.

Меня в этом рассуждении смущала мысль о том, что Бог принял в жертву козу от Авеля. Какая-то внутренняя сила толкнула меня сказать:

— Батюшка Василиус говорит о том, что Авель приносил в жертву теленка... А Бог не принял бы и телочку. А ты говоришь: козу!!!

— А разве батюшка Василиус присутствовал при этом?

Тогда я не мог подтвердить, был или не был батюшка Василиус в том месте в момент жертвоприношения. И седая борода батюшки Василиуса отнюдь не доказательство этому факту. Я очень сожалел о своем несогласии с точкой зрения бабушки и чувствовал, что она уводит меня в сторону от этой истории.

Сейчас, конечно, уже трудно вернуться к этому вопросу. Летом я перестал думать о нем, но отнюдь не забыл.

VIII

Я вернулся в школу, хотя лето еще не закончилось. Как ни странно, я не ссорился с сыном тети Ум Махмуд, как это бывало ранее. Случилось что-то неприятное. В прошлом году мы сидели с ним за одной партой в первом ряду. А в этом году учитель Абду оставил меня на том же месте и пересадил Махмуда на последний ряд. И я вдруг открыл для себя, что Махмуд стал выше меня ростом.

В день, когда мы приступили к занятиям в школе после летних каникул, я еще не знал секрета его роста. Я был уверен, что утром он надевал брюки, соответствующие его росту, а когда учитель Абду рассаживал нас по местам на первом уроке, я заметил, что брюки ему коротки. Это занимало меня до конца учебного дня, так как я боялся, что Махмуд не выйдет играть в «прятки» в коротких брюках. Когда мы шли домой, я его спросил:

— Махмуд, ты придешь играть?

— Я-то приду, а вот ты наверняка не придешь, так как будешь занят посылкой, которую твой дядя прислал тебе из Чили.

Но меня совсем не интересовала посылка из Чили, и я, бросив свой портфель в угол, хотел уйти. Но на пороге меня остановила мама и потащила в комнату бабушки. Перед бабушкой лежала куча одежды из посылки, преимущественно женской, а тетя Ум Махмуд расположилась позади бабушки. Бабушка своей

палочкой подняла из этой кучи шерстяную кофту и почти что сунула ее мне в лицо, сказав при этом:

— На, возьми, зимой это тебя защитит от холода.

Кофта была черной с желто-фиолетово-красным оттенком. Меня эти цвета просто поразили. Наверное, мне передалось по наследству восприятие от отца, который видел в письмах и бумагах из Чили нечто потустороннее. То же самое я видел в кофте с удивительными цветами и в куче одежды из посылки...

Затем я убежал играть на улицу.

IX

За лето и осень я совершенно забыл об истории козы. И только когда в воздухе закружились первые снежинки, я побежал к бабушке посмотреть на ее камин (в надежде получить три грецких ореха я старался выглядеть хорошим мальчиком). Бабушка достала миску с виноградным сиропом и поставила ее между нами.

— Поешь, это тебя согреет.

— Я не замерз.

Однако она своими худыми пальцами двигала миску в мою сторону как бы невзначай, желая соблазнить меня. Я, чтобы подразнить ее, глубоко засунул палец в миску, потянулся к ней ртом и начал с аппетитом есть. Это было скорее желание разозлить бабушку, а не насладиться сиропом. Наверное, мой аппетит передался и ей, и мы сообща быстро опустошили миску. Виноградный сироп без орехов вызвал у меня желание притвориться сонным, что было немедленно пресечено бабушкой, которая постаралась вспомнить и повторить со мной некоторые молитвы на русском языке.

Это были те молитвы, которым, как она считает, научил ее посланник Царя Николая Романова по имени Иван Ростентов. И я вспомнил, что, когда выпал первый снег в прошлом году, мы сидели за миской с виноградным сиропом, зазвонил деревенский колокол, и моя бабушка сказала:

— А знаешь ли ты, мой мальчик, что сам Царь был в меня влюблен?

— Царь?! Царь?!

— Да, сам Царь...

— Как?

— Возможно, этот самый Ростентов, после того как научил меня молитвам, описал меня Царю Рома-

нову, и он влюбился в меня и подарил нашей деревне этот колокол.

Приближаясь к камину, в котором, треща, ярко горели ветки кустарника, я сказал: «Бабушка, но у тебя же нет доказательств». Бабушка выпрямилась, сунула в камин большую ветку, сказав при этом:

— А колокол, который звонит? Ты что, глухой? Он повторяет мое имя. Мир...ям... Мирья...м-м-м... Дан... Дон... А зовут меня Мирьям Ал-Дондон.

Я попытался ее раззадорить:

— И откуда взялся этот Иван?

Она с сожалением покачала головой и промолвила:

— И чему вас только учат на уроках истории?! А разве вам не говорили о том, что Россия отправляла миссию в нашу деревню, чтобы учить нас русскому языку?!

— А зачем?

Мой вопрос был для нее неожиданным, она даже не сразу ответила на него, лишь заметила:

— Не знаю, не знаю, вероятно, чтобы мы в своих молитвах поминали Царя!

Казалось, она была довольна тем, что нашла ответ на мой вопрос. Затем бабушка протянула руку, взяла позади себя два ореха и отдала их мне. Я воспользовался случаем и спросил:

— Бабушка, ты так и не рассказала мне о той козе, детьми которой мы являемся!

Бабушка сказала, что она слышала о такой вещи, которая называется самолет и что это якобы летающий конь с железными крыльями. Однако одно дело слышать, другое — увидеть.

— Наша деревня, — продолжала бабушка, — не видела ничего летающего, кроме полевых птиц, ворон, а также ласточек и журавлей, которые осенью улетают на юг.

В этот раз в небе над деревней действительно появились железные летающие кони. Твой дед тогда говорил, что это самолеты французов, которые прилетели, чтобы выведать, где расположены позиции повстанцев. Однако страх есть страх. Некоторые говорили, что самолеты сначала все разведывают, а потом будут бомбить.

Она пыталась руками показать, как они летают, а низким голосом передать их страшный гул.

Почувствовав, что я понял, что такое самолеты, она продолжала:

— Испуганные люди спешно грузили свои пожитки на ослов и мулов и говорили, что надо бежать в пустыню. А уж если французам захочется бомбить, то пусть бомбят пустые дома.

— Зачем прилетали самолеты и бомбили дома? — не выдержав, спросил я.

Она снисходительно отнеслась к моим словам и сказала, что самолеты на самом деле бомбили не дома. А людей, уходивших в пустыню, приняв их за повстанцев.

— При этом дома содрогались при разрыве каждой сброшенной бомбы! — Бабушка подняла сжатые в кулак руки и потрясла ими. Ее тело задрожало, и она попыталась извлечь из себя звуки, напоминающие взрывы бомб. Потом она замолчала, но тело ее оставалось в напряжении, она как бы снова испытала ужас воспоминаний тех дней.

Я сидел, прижав колени к груди, и пристально смотрел на горящие в камине угольки. Снова раздался голос бабушки:

— Я и твой дедушка не ушли, как все, в пустыню. Я в то время как раз родила твоего отца. Дома также осталась наша соседка Ум Гдибан с мужем, так как она тоже за два дня до этого родила дочь Зейнаб, то есть твою тетю.

— А как же коза?

— Не торопись, — сказала бабушка, и ее рот был словно пещера, в которой отражается эхо.

Она продолжила:

— Нас охватил страх от доносившегося грохота, казалось, будто бы вулканы извергались вокруг нас, что это смерть пришла к нам, а дома вокруг нас станут нашими могилами. Мы обратились к Всевышнему, чтобы он спас наши души. Он услышал мольбы, и самолеты внезапно исчезли, как и появились. От перенесенного страха у меня пропало молоко, а когда твой дед пошел проведать соседку Ум Гдибан, то узнал, что у нее тоже пропало молоко.

Бабушка замолчала, желая, чтобы я угадал концовку этой истории. Пауза затянулась. Я опасался, что она забыла, о чем говорила до этого момента, тронул ее за колено и спросил:

— А как же коза?

Она ответила без желания продолжать этот разговор:

— На этом история закончилась. Твой отец и Зейнаб пили молоко нашей козы со звездочкой на лбу. Так они стали молочными братом и сестрой.

— Ты имеешь в виду, что коза стала матерью для них?

Она помахала пальцем перед моим лицом и недовольно сказала:

— Ох, как я устала от тебя и твоих вопросов!

Затем бабушка откинула голову на подушку и сидеть уснула.

X

Сын тети Махмуд перестал расти. Свидетельством этому было то, что расстояние между отворотом его брюк и обувью оставалось таким же: четыре-пять пальцев. А так как он был высоким, то сам себе присвоил право лидера в наших играх во время таяния снегов на улочках нашей деревни, даже когда их граница перемещалась на склоны Западной горы. Это вызывало во мне ревность, особенно от того, что мяч вместе с другими вещами мы получили от дяди из Чили. Однажды во время игры я напомнил ему об этом. Наша игра продолжалась. Однако рвение Махмуда постепенно снижалось. Он забрал свой портфель и школьную форму, лежавшие в стороне на лавочке, и ушел. Я догнал его и громко позвал:

— Постой, Махмуд!

Он молча обернулся.

— Почему ты перестал играть?

Он ответил, опустив руки:

— У меня нет желания играть!

Я схватил его за грудки:

— Ты ушел из-за того, что тебя не хотят видеть лидером или вообще не хочешь играть?

Губы его скривились, он не ответил и попытался сделать шаг назад. Я потянул его за рубаху, она порвалась, и из-под нее выглянула кофта странного черно-желто-красно-фиолетового цвета. Моя рука невольно опустилась, и я увидел в его глазах выражение горечи. Это продолжалось какой-то миг. Затем он резко повернулся и ушел, оставив после себя чувство гордости.

Да он, наверняка, не заплачет! ■